

УДК 316.4.066

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-97-107

ВЕРЕЩАГИНА Анна Владимировна

Институт социологии и регионоведения
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
anrietta25@mail.ru

Anna V. VERESHCHAGINA

Institute of Sociology and Regional Studies Southern
Federal University
Rostov-on-Don, Russia
anrietta25@mail.ru

НЕЧИПУРЕНКО Виктор Николаевич

научный журнал «Контекст и рефлексия: философия о
мире и человеке»
г. Ростов-на-Дону, Россия
victornech@mail.ru

Victor N. NECHIPURENKO

Scientific Journal «Context and Reflection: Philosophy
of World and Man»
Rostov-on-Don, Russia
victornech@mail.ru

САМЫГИН Сергей Иванович

Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ)
г. Ростов-на-Дону, Россия
darya.maksimovich@gmail.com

Sergey I. SAMYGIN

Rostov State Economic University (RINI)
Rostov-on-Don, Russia
darya.maksimovich@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ФУНКЦИИ И РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЗМА

PROBLEM OF SOCIAL MEMORY DEFINITION: CONCEPT, SOME BASIC CHARACTERISTICS, FUNCTIONS AND ROLE IN FORMATION OF PATRIOTISM

В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением социальной памяти как социально созданного и общепринятого знания, относящегося к прошлому определенного сообщества. Анализируется содержание социальной памяти, его источники, соотношение индивидуальной и коллективной памяти, прошлого и настоящего, локального и универсального. Затрагивается взаимосвязь социальной памяти, культуры и культурной памяти, роль процесса инкультурации в сохранении социальной памяти, идентичности общества и индивидов. Основное внимание уделяется описанию основных функций и характерных особенностей социальной памяти, ее влиянию на социально конструируемые образы желаемого будущего, а также формирование патриотических установок. На примере современного российского общества авторы показывают алгоритм формирования и высокой динамики патриотизма, основой которого выступает обращение к глубинным пластам социальной памяти, и решения макросоциальных проблем, выступающих на современном этапе для российской власти приоритетными по сравнению с микросоциальными.

The article discusses some questions concerned the definition of social memory as a socially created and generally accepted knowledge related to the past of a particular community. The authors analyze the content of social memory, its sources, the ratio of individual and collective memory, past and present, local and universal ones. They also study the relationship of social memory, culture and cultural memory, the role of the process of inculturation in preserving social memory, as well as formation of social identity and individual one. The focus of the article is the description of main functions and characteristics of social memory, its influence on socially constructed images of the desired future, as well as the formation of patriotic attitudes of contemporary Russians. On the example of a modern Russian society the authors show the algorithm of formation and dynamics of high patriotism, the foundation of which stands an appeal to the deep layers of social memory, and address macro-problems, the speakers at the present stage to the Russian authorities priority over microsocial.

Ключевые слова: социальная память, культура, культурная память, функции социальной памяти, идентичность, коллективная память, историческая память, инкультурация, содержание социальной памяти, образ будущего, патриотизм.

Keywords: social memory, culture, cultural memory, social memory, collective memory, individual memory, identity, historical memory, inculturation, content of social memory, image of future, patriotism.

Понятие памяти в культуре употребляется издавна, мы находим у греков и римлян философские представления о душе, связанные с ее воспоминанием и памятью. Однако идея социальной памяти, памяти общества, связанной с социальными процессами, появляется сравнительно недавно. Она возникает в контексте больших социальных перемен в европейском обществе в конце XIX - начале XX в. С этого времени память стала рассматриваться не только в индивидуальном аспекте, но и в коллективном. И даже утверждалось, что не может быть никакой другой памяти, кроме как социальной, ибо невозможно говорить об индивидуальной памяти, исключая ее из коллективного контекста, «свои воспоминания человек, как правило, приобретает, воссоздает в памяти, узнает и локализует именно в обществе» (М. Хальбвакс [4, с. 28]).

Социальная память о чем-то важном и давно прошедшем является важнейшей характеристикой человеческих сообществ. И хотя, конечно, мы не знаем, как она функционировала в древних первобытных общинах, однако имеющиеся в нашем распоряжении антропологические описания примитивных сообществ, которые в XVIII- XIX вв. существовали в разных регионах земного шара, свидетельствуют о важной роли соци-

альной памяти. Тотемизм, мифология, осознание общности и своей особенности, территориальных границ своих охотничьих угодий, мест и троп, а также племенной генеалогии сохранялись в памяти различных сообществ из поколения в поколение.

Роль социальной памяти возросла в исторических письменных обществах. Появление письменности позволило более надежно сохранять информацию, которой угрожала человеческая забывчивость. Уже Геродот отмечает, что память - это что-то несовершенное, хрупкое и ненадежное. То, что в ней сохраняется, может испариться, исчезнуть, не оставив следа. Без памяти невозможно жить, она поднимает человека над животным миром, будучи свойством его души, и все же ненадежна и коварна. Человек не может полагаться на нее. Все это справедливо и в отношении социальной памяти. Человек, являющийся, по сути, рабом и жертвой хода времени, стремится каким-то образом почувствовать себя его господином и повелителем - желает стоять вне времени и совмещать в памяти различные его периоды, разделять их и переставлять.

Ф. Ницше указывал на историчность человека в отличие от «неисторической» жизни животного, которое «растворяется в настоящем, как целое число, не оставляя по себе никаких странных дробей, оно не умеет притворяться, ничего не скрывает и в каждый данный момент является вполне тем, что оно есть... Человек же, напротив, должен всячески упираться против громадной, все увеличивающейся тяжести прошлого; последняя или пригибает его вниз, или отклоняет его в сторону, она затрудняет его движение, как невидимая и темная ноша...» (Ф. Ницше, [3, с. 161]). Эта необычная по сравнению с другими животными видами особенность человека сохранять и вспоминать запомненные сведения является одним из важнейших секретов успеха эволюционирующего человечества. Стратегия выживания человечества заключается не только в передаче информации, содержащейся в генах, но и хранящейся в сознании и культуре.

Ницше высказал идеи, которые сегодня восприняты в теориях коллективной памяти. Они получили дальнейшее развитие после признания того, что субъективная перспектива индивида или всего сообщества (М. Хальбвакс [4]), а также источники, не являющиеся документами в историческом смысле (А. Варбург [13]), имеют такое же важное значение в формировании представлений о прошлом, как и архивные материалы. Популяризация после Второй мировой войны методов устной истории, которые предоставили памяти роль исторического источника, стала закреплением этих преобразований.

Интерес европейских мыслителей к социальной памяти, выраженный вначале у Ницше и в работах Гуго фон Гофманстала, который в 1902 г. один из первых использовал этот термин, связан с классической книгой Мориса Хальбвакса, вышедшей в 1925 г. под названием «Les cadres sociaux de la mémoire» («Социальные рамки памяти»). «Ум реконструирует свои воспоминания под давлением общества» (М. Хальбвакс [4, с. 148]), - утверждает Хальбвакс и, конечно, имеет в виду не только индивидуальную память. Именно ему мы обязаны осознанием роли социальной памяти, первым весьма ценным размышлениям над ней.

Хальбвакс рассматривает социальную память как социологический феномен, ее следует отличать от индивидуальной и исторической памяти. Социальная память формируется на основе опыта социальных групп, в то время как историческая память обеспечивается текстуальной записью. Историческая память - это повествования о событиях прошлого, социальная же память относится к взаимодействию в группах и работает как эквивалент солидарности в дюркгеймовском смысле. Социальная память - это вид связи, которая рождается в группах и направляет их действия. Социальные связи могут быть кратковременными и спонтанными, а поскольку люди всегда перемещаются между различными группами, возникает множественность контекстов памяти.

В научной литературе используется несколько терминов: социальная память, коллективная память, историческая память и групповая память. Однако следует отметить, что с определением «социальная» может ассоциироваться не только коллективная память, но и память индивида, относящаяся к социальным контекстам и характеризующаяся через социальные факторы, в то время как прилагательное «коллективная», или «групповая», может указывать на более конкретную интерпретацию памяти как не-

кой формы коллективного существования. Однако в рамках этой статьи проводить тонкие дистинкции между этими терминами не представляется возможным, поэтому они будут использоваться как взаимозаменяемые. Тем более, что проблема сходства и различия между социальной памятью и исторической требует специального рассмотрения.

Социальная память - это социально созданное, трансформированное, в какой-то степени консолидированное и общепринятое знание, относящееся к прошлому определенного сообщества. Это знание включает в себя различное содержание, выполняет разные функции, принимает благодаря различным носителям социокультурные данные и воспринимается сознанием индивидов из различных источников. Относительное единство социальной памяти обеспечивается механизмами социальной жизни. Таким образом, формируется относительная однородность групповых представлений, относящихся к прошлому.

И хотя, конечно, социальная память - это в какой-то степени метафора, она отличается в своей сути от индивидуальной памяти, однако имеет с ней нечто общее в отношении к прошлому и попыткам его фиксации. Содержание социальной памяти, как правило, не актуализировано и не оказывает сильного влияния на повседневную жизнь членов определенного сообщества. Их переживания, связанные с социальной памятью, часто остаются в потенциальном, «спящем» состоянии. Но когда индивид активизирует в своем сознании содержание социальной памяти, тогда он выступает в качестве члена сообщества, к которому относится эта память.

Здесь следует спросить, к какому отдаленному прошлому можно отнести социальную память? Напрашивается ответ, что охватываемый памятью период должен, конечно, сильно варьироваться - ведь, например, социальная память евреев относится к несравненно более отдаленному прошлому, чем память американцев, населивших Новый Свет, так же, как и социальная память аристократической семьи восходит гораздо дальше и касается более отдаленных времен, чем память простой рабочей семьи. Если вести речь о памяти всей человеческой цивилизации, то память китайской цивилизации намного древнее европейской, а последняя - древнее арабской цивилизации.

Можно ли в этом контексте говорить о социальной памяти человечества? Многие мифологии локальных сообществ пытались приписать себе право описания предполагаемой генеалогии всего человечества. Сегодня мы считаем, что такая «память человечества» может быть реконструирована только археологами и палеантропологами, она может простираться на несколько миллионов лет назад и варьироваться в зависимости от того, с какого времени и места начался антропогенез *homo habilis*, *homo erectus* и *homo sapiens*. Во всяком случае, эта шкала памяти также важна для человека, и ее содержание стало или должно стать отправной точкой для определения того, что является настоящим, и как оценивать его - хотя бы в аспекте своего собственного отношения, необходимого для понимания меняющихся экзистенциальных условий и способов жизни.

Еще одним интересным вопросом является взаимосвязь памяти и воображения; она рассматривалась уже в древности, однако анализируется и в настоящее время. Неверно предположение, что память всегда выполняет чисто воспроизводительную функцию. А если это не так, то можно сделать вывод, что ее творческим дополнением оказывается воображение. И коль скоро оно сопутствует памяти, то следует подумать о том, а не присутствует ли оно также в социальной памяти? И можно с уверенностью сказать, что его влияние на социальную память весьма значительное - мифы, эпосы, романы и фильмы являются плодом воображения, и сами, в свою очередь, стимулируют воображение аудитории. Конечно, воображаемое и воображение могут проявлять разную степень дозволенности и креативности - от точной реконструкции до полного вымысла и фикции.

Социальная память общества выполняет сразу несколько функций:

- передает знания о прошлом;

- передает культурную компетентность (в том числе коммуникативную компетенцию, то есть способы понимания некоторых символов);
- передает модели поведения, имеющие важное значение с точки зрения позиции группы;
- передает групповые ценности, рассматриваемые в качестве важных и, следовательно, достойных сохранения;
- передает информацию о реальной или предполагаемой (мифической или легендарной) истории (генезисе) и структуре группы;
- является фактором поддержания (воспроизводства) групповой идентичности;
- является фактором формирования отношений между соседними группами (в том числе между доминирующей группой и подчиненными группами);
- выражает какую-то идеологию (или социально-политические интересы);
- может быть способом легитимизации власти;
- является фактором проектирования будущего путем создания конкретной, относительно устойчивой траектории истории группы.

Эти функции обычно спонтанно реализуются в процессах общественной жизни, однако они также сознательно используются различными социальными силами, которые таким образом допускают инструментализацию социальной памяти (А. Sakson [11, с. 206]) и даже манипулируют ею. Это, наверное, ясно, что некоторые из этих функций могут стать дисфункциями - в отношении как сообщества, сохраняющего содержание своей социальной памяти, так и его соседей или доминирующей группы, а это влечет за собой разного рода негативные последствия.

Социальная память разнообразна в своих проявлениях и содержании относительно прошлого - как в локальном масштабе (например, прежняя роль города или региона в жизни страны), национальном (прежнее состояние народа и его отношения с соседями), так и в универсальном (прежние условия жизни по сравнению с современной ситуацией).

Возникшее в далекой древности «искусство памяти» входило в сферу риторики «в качестве техники, используя которую оратор мог бы усовершенствовать свою память и произносить наизусть пространственные речи с неизменной аккуратностью» (Ф. Йейтс [2, с. 13]. Можно ли увидеть какие-то аналогии между искусством индивидуальной памяти и ее функциями и принципами функционирования социальной памяти? Можно ли, например, с помощью метафорической трактовки риторики делать некоторые социальные обобщения? Наверное, но только через признание того, что история каждого сообщества является своего рода исторической риторикой - «описанием» для современников и потомков. И вычленение содержательных компонентов социальной памяти в этой риторике может помочь исследователю.

Проявления конкретной социальной памяти, как и любые другие явления такого рода, можно, конечно, оценивать по-разному. В этих оценках следует учитывать такие критерии:

- продолжительность сохранения социальной памяти;
- степень достоверности и адекватности социальной памяти относительно памятных событий;
- степень интегрированности содержания социальной памяти, ее моно- или поливариантность;
- пространственный диапазон (или, скорее, социально-пространственный) социальной памяти, степень ее надлокальности (или неограниченность ее определенной местностью);
- степень, в которой данная группа активно реализует эту память;
- функциональность или дисфункциональность содержимого социальной памяти по отношению к ее носителям (а также к соседним или другим группам) (М. Golka [7, с. 18]).

Здесь можно задаться вопросом, эти ли критерии формируют в своей совокупности правильную конфигурацию, или может быть это не совсем правильная фигура? Кажется, что необходимо придерживаться второго подхода, поскольку каждый из этих критериев по отдельности, вероятно, не равнозначен в социальной оценке; кроме того, их вес зависит, наверное, от различных исторических обстоятельств, потребностей данной социальной памяти, позиции группы и т.д. Иногда важнее бывает длительность социальной памяти, в другом случае - степень ее верности, а в третьем - степень ее присутствия в сознании группы. Различна также степень важности исторических фактов или политических событий, и это различие зависит от многих факторов. Например, россиян больше волнует то, что происходит в России, и гораздо менее то, чем живет Европа.

Социальная память проявляется в социальных системах разной величины и характера, с различной степенью согласованности и дистанцированности и даже на расстоянии друг от друга: в семьях, племенах, городах, нациях и даже во всем человечестве. Короче говоря, объем сферы социальной памяти и, прежде всего, то, в какой степени она является именно социальной памятью, определяет диапазон ее содержания, принятого и разделяемого всем данным сообществом.

Как функции конкретного содержания социальной памяти, так и их оценки подвергаются далеко идущим преобразованиям. Это происходит потому, что по прошествии многих столетий и даже десятилетий изменяется интерпретация отдельных событий и ситуаций - так, как это произошло, например, с Международным женским днем 8 Марта, празднование которого потеряло свою революционную и феминистскую окраску.

Социальная память редко бывает универсальной памятью - это, как правило, «чья-то» память. Предположительно, даже в небольших обществах, помимо первичных элементов памяти, относящихся ко всему обществу, функционировала также отдельная индивидуальная память мужчин, женщин и детей. У современных народов память различных социальных классов, профессиональных групп, поколений, этносов и религиозных групп отличается набором основных компонентов. Однородная, универсальная память не представляется возможной, поскольку невозможно создать универсальную всеобщую историю. Всегда будут существовать разные точки зрения и разные трактовки, вытекающие именно из множественности памяти, накопленные в различных коллективах - «сообществах памяти». Подобно тому, как каждый человек имеет свою индивидуальную и уникальную память, так же вероятно, что каждое сообщество имеет свою особую и несравнимую с другими социальную память.

Прошлое, как содержание социальной памяти, является одним из наиболее сложных для измерения и определения компонентов, присутствующих в ней в настоящее время. Еще более сложной предстает оценка его влияния на будущее. Хорошо известно, что прошлое и настоящее пересекаются, накладываются друг на друга, взаимно обусловлены и т.д., но не известны ни механизмы, ни четкие последствия этих отношений. Предположим, то, что сохранилось из прошлого, было значительно трансформировано, получило другое место и другой статус, чем имело когда-то, что прошлое, всегда доходит до настоящего, существенно преобразуясь через настоящее, которое, конечно, также обусловлено прошлым. И это, кажется, не вызывает сомнений. Однако механизм этой адаптации и пропорции применительно к давнему прошлому и настоящему не легко определить, хотя бы из-за того, что здесь действует своего рода принцип неопределенности. Как правило, мы не знаем, что отнести к прошлому, а что - к настоящему.

Так, например, Маршалл Д. Салинс считает, что «опыт прошлого является способом, в котором переживается настоящее» (M.D. Sahllins [10, с. 136]). Также интересно в этой связи рассуждение Эдварда Шилза: «Мы редко живем, обращаясь непосредственно назад или вперед. Мы не в полной мере в настоящем ни в воспоминаниях, ни в мечтах о будущем. "Здесь и сейчас", наличие и существование - не являются предметом ни воспоминаний, ни надежд, ожиданий или мечтаний о будущем. Это непосредственное "теперь", "теперь" и снова "теперь", поток сознания, конечно, но он по-

стоянно делится каким-то непонятным образом секундомером» (E. Shils [12, с. 14]). Прошлое, как и ни одно его событие, не может выйти из-под власти настоящего, но, с другой стороны, нынешнее состояние любой социальной системы находится в какой-то связи с ее предыдущими состояниями, а всякое новшество является модификацией того, что существовало ранее. Память же, - считает Шилз, - позволяет заглянуть в прошлое, но не принуждает к этому и не вызывает сама по себе ни ненависти, ни любви к прошлому. Память показывает только, что эти связи настоящего с прошлым существуют, а их характер требует более внимательного изучения.

Энтони Гидденс считает, «что структура... представляет собой "генеративные" (порождающие) правила (и ресурсы)... что социальные системы, как воспроизводимые социальные практики, обладают не "структурами", но "структуральными свойствами", а структура... проявляется посредством подобных практик и как память фиксирует направление поведения компетентных субъектов деятельности» (Э. Гидденс [1, с. 59]). Говоря об индивидуальной памяти, Гидденс (Э. Гидденс [1, с. 94-100]) отмечает, что использование любой информации, основанной на памяти и на текущем восприятии, является активным процессом и аспектом деятельности индивидов в пространстве и во времени. Из этого следует, что деятельность человека зависит от настоящего, как и от памяти, которая является «способом описания рефлексивности субъектов». Память - это не только прошлый опыт, а сознание выражает не только настоящее. Память является своего рода властью, но она не абсолютная власть. Она связана с сознанием, но она не состояние непрерывного сознания, а, скорее, механизм воспоминания, используемый в различных обстоятельствах человеческой деятельности. Мы имеем здесь дело с тремя взаимосвязанными или, вернее, пересекающимися аспектами: а) чувственным осознанием себя кем-то; б) конституированием осознания в данный момент времени; в) воспоминанием, то есть воспроизведением прошлого опыта для того, чтобы соотнести его с нынешними действиями. Другими словами, социальная память - это своеобразное «триединство» - представляет собой накопление прошлого знания, опыта и нынешние действия (которые, однако, так или иначе ориентированы на будущее).

Социальная память должна каким-то образом проникать в память индивида или в индивидуальное сознание, иначе она будет лишена влияния и останется только мертвым ресурсом. Этот вход в индивидуальное сознание осуществляется с помощью культуры, приобретения культурной компетентности в процессе инкультурации, предполагающей обогащение личности индивида информацией о культуре группы и о том, что считается важным для функционирования индивида и, прежде всего, группы. В настоящее время процесс инкультурации осуществляется посредством школьного образования, влияния массовой культуры и использования интернет-ресурсов.

Здесь социальная память обнаруживает свою глубинную связь с культурной памятью, изучению которой посвящены работы Яна Ассмана, Аби Варбурга и Алейды Ассман. Я. Ассман, будучи египтологом, исследовал древние культуры памяти, а также сам момент перехода от устных культур к письменным.

В наиболее известной книге Алейды Ассман «Erinnerungsräume» («Рамки памяти»), в которой анализируется множество классических текстов культуры в аспекте категории памяти, можно заметить влияние идей историка искусства Аби Варбурга (хотя автор не говорит об этом явно). Варбург предполагал существование европейской культурной памяти, укорененной в образе. В своем незаконченном атласе с характерным названием *Mnemosyne* он утверждал, что «ренессансная рецепция античности происходила, прежде всего, в сфере визуального» (A. Assmann [5, с. 226]). «Атлас Мнемозины посредством своего наглядно-образного материала иллюстрирует процесс, который можно было бы определить как попытку присоединения уже сформировавшихся способов выражения к представлениям одушевленных форм» (A. Warburg [13, с. 3], - писал Варбург. Важность его мысли состоит, прежде всего, в восприятии культуры как социального «органа памяти» (U. Borsdorf [6, с. 2]). Исследователи видят в работе Варбурга в основном зачатки теории культурной памяти.

Варбург в своем предисловии к атласу *Mnemosyne* говорит о трех ключевых понятиях: *Vorprägung* (форма, образуемая на чем-то более раннем), *Erbschaft* (наследие)

и Engramm. Vorprägung - это телесный отпечаток, вызывающий немедленную реакцию и затрагивающий нас не только когнитивно, но и эмоционально. Телесная память - это сущностная основа для создания смыслового мира и полноценного переноса. Третье понятие требует отдельного объяснения, ибо заимствовано из теории психофизиологического параллелизма Ричарда Симона (Semona), согласно которой каждое психическое состояние соответствует изменениям в нервах. Энграмма означает «событие, которое оказало влияние на материю и оставило свой след» (E. Gombrich [8, с. 326]). Энергия энграмм заключена в символах или образах и определяется как «энергия памяти», которая может со временем активизироваться. Согласно Варбургу, образ играет в коллективной памяти ту же роль, что и энграмма в центральной нервной системе индивида. Он представляет собой заряд энергии, который активируется в момент вступления с ним в контакт. Варбург, к сожалению, не создал разработанной теории коллективной памяти, лишь ее штрихи можно найти в его разбросанных заметках.

Теоретическая рефлексия над социальной памятью дополняется многими эмпирическими социологическими исследованиями. Предмет этих исследований польский социолог Петр Квятковский (P. T. Kwiatkowski [9, с. 40]) выделяет в несколько тематических групп. В первой предметом исследований являются представления о прошлом, присутствующие в публичном дискурсе данного сообщества - взгляды, влияющие тем или иным образом на позицию его членов; во второй - так называемая разговорная память, то есть мнения и оценки, относящиеся к прошлому, функционирующие в повседневной жизни простых людей; в третьей - отношения между социальными явлениями, имевшими место в жизни группы в нынешних и прошлых ситуациях, и, наконец, в четвертой - изменения в социальной памяти, на почве которых в значительной степени объединяются социологический и исторический интерес.

И, наконец, следует попытаться резюмировать наиболее важные особенности социальной памяти, которые предположительно включают в себя:

- социализацию, в результате которой индивидуальные особенности памяти подвергаются относительной унификации в разных измерениях и слоях общества; это также относится к тем измерениям и слоям, в которых она простирается и, возможно, реконструируется;

- прессование, с помощью которого формируется несложный, синтетический образ длительных исторических периодов или сложных событий; элементы такого упрощенного образа являются, как правило, лишь тенями того, что произошло на самом деле, хотя, с другой стороны, правда о них никогда не будет полностью известна, ни тем более запоминаема;

- накопление, в результате которого множество различных событий, происходящих в разные годы, сливается в какое-то амфорное состояние, лишенное четкого временного соотношения, но на самом деле содержащее различные исторические фазы или слои;

- затуманенность, делающая запомненные образы, как правило, лишенными деталей, которые могут подменять как исторические знания, так и имплантаты мифотворчеством и мистификацией;

- хаотичность, в результате которой набор запоминающихся фактов, как реальных, так и воображаемых или мистифицированных, является совершенно произвольным и неясным; также и механизмы, регулирующие запоминание и забвение, не легко определить, как и решить дилемму: социальная память - это своеобразный мусорный контейнер или все-таки упорядоченный архив;

- заинтересованность, в результате которой подбор запоминающегося материала не является абсолютно случайным, а продиктован идеологией группы и общественными интересами;

- полиморфизм, который позволяет извлекать из гибких и обычно емких ресурсов социальной памяти то, что именно необходимо или полезно с точки зрения текущих потребностей и интересов;

- необычность, делающая вполне обычные запоминаемые ситуации необычными, уникальными, зрелищными и предающая забвению ситуации банальные;
- разнообразие, благодаря которому социальная память (как и традиция) ни в одном обществе не является однородной, но более или менее отличается с точки зрения своего содержания в различных группах и слоях общества;
- забывание и имплантирование, обеспечивающие пополнение контента памяти, маскируют форму верного копирования стилизацией и даже далеко идущей мистификацией, которые в противном случае по истечении определенного времени порой признаются верной и истинной социальной памятью.

В заключение необходимо отметить, что понятие социальной памяти имеет несколько метафорический характер, поскольку произведено из области психологии и жизни индивида и недостаточно определена его смысловая специфика. Как невозможно себе представить жизнь человека без участия памяти, так же нельзя представить себе общественную жизнь без наличия социальной памяти и ее изменения. Без социальной памяти общество и индивиды теряют свою идентичность, а значит, и чувство уникальности. Содержание социальной памяти, которым располагают отдельные сообщества, определяет долговечность, качество и активность этих групп. Социальная память зависит от культуры, в которой формируются индивиды и сообщества. Существует взаимозависимость между содержанием социальной памяти (ее индивидуальными носителями) и состоянием данного сообщества и его культуры.

Социальная память влияет на образ будущего. Одна из ее функций заключается в воздействии на будущее через создание относительно обоснованной интерпретации исторического развития группы, позволяющей сравнивать настоящее с прошлым и создавать образы желаемого будущего. В сущности, социальная память - это сознание, аккумулирующее человеческий опыт в его совокупности, знания не только об ошибках, неудачах, преступлениях и зле, но и об успехах, положительных действиях и добре, которое может повлиять на будущее.

Неоспорима роль социальной памяти в процессе формирования и развития патриотизма у населения, которое через каналы межпоколенческой преемственности сохраняет, преумножает достижения исторического прошлого Родины, культивируя бережное отношение к тому, что составляло честь и достоинство предшествующих эпох и поколений, и переосмысливает опыт трагических событий с тем, чтобы не повторить ошибок прошлого. Героические и трагические страницы прошлого воссоздают в памяти поколений не только события прошлого. Их основная роль заключается в том, чтобы научить достойно жить в настоящем, возвеличивая то, что заслуживает восхищения, и критически осмысливая то, чего не следует повторять ни при каких обстоятельствах.

Как бы неправдоподобно это ни прозвучало в современной реальности, в которой патриотизм стал мощнейшим идеологическим оружием, но суть патриотизма как важнейшего ресурса общественного развития заключается в умении любить Родину, понимая при этом все достоинства и недостатки ее исторического бытия, критически осмысливая настоящее с точки зрения перспектив будущего развития и возможностей каждого гражданина сделать это будущее благополучным.

Почему в современную эпоху, когда глобализация охватила весь мир, втягивая в свою орбиту страны и народы, актуальность и востребованность патриотизма не снижается и, более того, увеличивается?

На самом деле формирование мира как единого глобального пространства, на данный момент хорошо проявляющееся на уровне создания информационного пространства, действительно не знающего границ, не создает ощущения единения, солидарности, безопасности. По мере того, как мир вовлекается в единую орбиту исторической динамики, значительно сильнее проявляются кризисные факторы такого формата развития человечества, не готового жить в глобальном мире, в котором неуютно чувствуют себя многие страны и народы, особенно когда конфликт противоречий на международном уровне достигает масштабов далеко небезопасного для жизнедеятельности населения противостояния.

В этой ситуации наиболее активно используется такой ресурс создания «нужного» общественного мнения и «правильного» массового сознания, как патриотизм. При этом самым активным образом эксплуатируется социальная память, использование которой позволяет извлекать из глубин ушедших веков и пластов памяти поколений нужную информацию, даже если она намеренно была предана забвению на определенном этапе общественного развития. Это хорошо просматривается на примере современной России, в которой происходит активная реанимация советского прошлого, не так давно по историческим меркам преданного анафеме.

Иными словами, происходит активный процесс не регенерации, а реконструкции социальной памяти по нужному современной власти формату. Соответственно, формируемый в такой логике конструирования социальной памяти патриотизм принимает во многом искаженные формы, но это мало кого заботит на уровне властных структур, так как основная цель достигнута - в стране сложилось лояльное по отношению к проводимой властью политике большинство, и авторитарная колея развития постсоветского «демократического» государства получила общественное признание.

Таким образом, обращение к прошлому, к исторической памяти народа и активизация ее глубинных пластов на фоне таких эпохальных событий, как проведение Зимней Олимпиады в Сочи и присоединение Крыма, позволило российскому правительству создать небывалый эффект - волна патриотизма захлестнула страну и положила начало исторической летописи возрождения патриотизма в России. Но, как хорошо известно историкам, все летописи далеко не нейтральны в отношении политической повестки дня и господствующего режима власти, а потому «патриотическая летопись» России в эпоху Путина - творение этой эпохи, не ориентированной на решение микро-социальных задач. Замах этой эпохи носит поистине глобальный характер - восстановить престиж России на международной арене, ее статус сверхдержавы, пусть вновь за счет ущемления интересов, потребностей и прав российского населения на достойную жизнь, но во имя великой цели, которую россияне с вдохновением поддерживали, ибо гордиться за страну всегда приятнее, даже если она по-прежнему занимает самые невысокие позиции в мировом рейтинге социально благополучных государств.

Мы убеждены, что формируемый в одностороннем порядке, вне использования иных ресурсов, связанных с повышением благосостояния общества, уровня его экономического, социального и культурного развития, патриотизм трансформируется в декларативную практику, не способную оказать реальное воздействие на деконсолидационные процессы в обществе, а последние, надо заметить, зашли очень глубоко. Выражением этого служит синдром молчаливого принятия аномальной российской реальности при всеобщем признании того факта, что за постсоветский период в стране по-прежнему, как и двадцать лет назад, остро стоят вопросы массовой бедности, социальной несправедливости и незащищенности населения, духовного упадка и коррупции.

В заключение необходимо отметить, что патриотизм в любые времена выступал значимой ценностью и ресурсом общественного развития. Это является неоспоримым фактом, как и то, что в самые тяжелые времена патриотически настроенному народу удавалось пережить кризисы, войны и остаться верными себе и своей Родине. Питательной средой и мощным фактором развития патриотизма, его закрепления на уровне массового сознания и социальных практик является социальная память, без наличия которой общество не может функционировать. Она, как и патриотизм, - конструируемое явление, и в этом процессе конструирования принимают участие самые разнообразные акторы, начиная от государства, СМИ, религиозных и образовательных институтов и заканчивая отдельным индивидом и социальными группами.

В этой связи полноценный и комплексный анализ проблемы, возникающей на пересечении таких явлений, как социальная память и патриотизм, требует интегрального подхода с подключением различных научно-исследовательских парадигм, позволяющих рассмотреть макромир конструируемых явлений сквозь призму повседневных практик и интересубъектного взаимодействия, в процессе которого социальная память

проходит свой эволюционный цикл в истории каждого общества, переживая самые различные стадии - от забвения до возрождения.

Имманентно включенная в сложную сеть социальных, политических, культурных и иных отношений, социальная память оказывает колоссальное влияние на развитие общества, являясь его в некотором роде «совестью». Общество должно помнить о том, что свершило, какой след оставило в истории человечества и собственной истории. Общая память выступает основой солидарности общества, его способности ставить и решать социально значимые задачи. Только из такой практики - совместного решения социально значимых задач - формируется подлинный патриотизм, создающий ситуацию сопричастности к судьбе Родины через солидаристские практики, имеющие в своей основе единое понимание целей общественного развития и направленную на их достижение деятельность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. - М.: Академический Проект, 2003.
2. Иейтс Ф. Искусство памяти. - СПб.: Университетская книга, 1997.
3. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Сочинения. В 2 т. - М., 1990. - Т. 1.
4. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. - М.: Новое издательство, 2007.
5. Assmann Aleida. Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. - München: C.H. Beck, 1999.
6. Ulrich Borsdorf, Heinrich Theodor Grütter, Einleitung // Orte der Erinnerung. - Frankfurt a.M. / New York, 1999.
7. Golka M. Pamięć społeczna i jej implanty. Wydawnictwo Naukowe Scholar. - Warszawa, 2009.
8. Ernst H. Gombrich, Aby Warburg. Eine intellektuelle Biographie, Europäische Verlagsanstalt. - Hamburg, 1992.
9. Kwiatkowski P.T. Pamięć zbiorowa społeczeństwa polskiego w okresie transformacji, seria Współczesne Społeczeństwo Polskie wobec Przeszłości, t. 3. - Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2008.
10. Sahlins M.D. „Inne czasy, inne zwyczaje. Antropologia historii” (przeł. E. Dzurak) // M. Kempny i E. Nowicka (red.), Badanie kultury. Elementy teorii antropologicznej. Antologia. - Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003.
11. Sakson A. „Europejska czy narodowa kultura pamięci historycznej?” // Porządek społeczny a wyzwania współczesności. - Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2005.
12. Shils E. „Tradycja” (przeł. J. Szacki) // J. Kurczewska, J. Szacki (red.), Tradycja i nowoczesność. - Warszawa: Czytelnik, 1984.
13. Warburg Aby. Der Bilderatlas MNEMOSYNE, Martin Warnke, Claudia Brink (red.), Akademie Verlag. - Berlin, 2000.

REFERENCES

1. Giddens E.H. Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturacii. [The dispensation of society. Essay structuration theory]. Moscow, Akademicheskij Proekt. 2003.
2. Jejts F. Iskusstvo pamyati. [The art of memory]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga, 1997.
3. Nicshe F. O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni. [On the use and abuse of history for life]. Sochineniya. In 2 vol. Moscow, 1990. Vol. 1.
4. Hal'bvaks M. Social'nye ramki pamyati. [Social frame of memory]. Per. s fr. i vstup. stat'ya S.N. Zenkina. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007.
5. Assmann, Aleida. Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. München: C.H. Beck, 1999.
6. Ulrich Borsdorf, Heinrich Theodor Grütter, „Einleitung”. Orte der Erinnerung, Frankfurt a.M. New York 1999.
7. Golka M. Pamięć społeczna i jej implanty. Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa 2009.
8. Ernst H. Gombrich, Aby Warburg. Eine intellektuelle Biographie, Europäische Verlagsanstalt: Hamburg, 1992.
9. Kwiatkowski P.T. Pamięć zbiorowa społeczeństwa polskiego w okresie transformacji, seria Współczesne Społeczeństwo Polskie wobec Przeszłości, t. 3. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar. 2008.
10. Sahlins M.D. „Inne czasy, inne zwyczaje. Antropologia historii” (przeł. E. Dzurak). M. Kempny i E. Nowicka (red.), Badanie kultury. Elementy teorii antropologicznej. Antologia. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003.
11. Sakson A. „Europejska czy narodowa kultura pamięci historycznej?” Porządek społeczny a wyzwania współczesności. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM., 2005.
12. Shils E. „Tradycja” (przeł. J. Szacki). J. Kurczewska, J. Szacki (ed.), Tradycja i nowoczesność. Warszawa: Czytelnik, 1984.

13. Warburg, Aby. Der Bilderatlas MNEMOSYNE, Martin Warnke, Claudia Brink (ed.), Akademie Verlag: Berlin 2000.

Информация об авторе

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
anrietta25@mail.ru

Нечипуренко Виктор Николаевич, доктор философских наук, профессор, заместитель главного редактора, научный журнал «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке», г. Ростов-на-Дону, Россия
victornech@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, кафедра управления персоналом и социологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия
darya.maksimovich@gmail.com

Получена: 03.02.2017

Для цитирования: Верещагина А.В., Нечипуренко В. Н., Самыгин С. И., К проблеме определения социальной памяти: понятие, основные характеристики, функции и роль в формировании патриотизма. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с. 97-107.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-97-107.

Information about the author

Anna V. Vereshchagina, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
anrietta25@mail.ru

Victor N. Nechipurenko, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Deputy Chief Editor, Scientific Journal «Context and Reflection: Philosophy of World and Man», Rostov-on-Don, Russia
victornech@mail.ru

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Human Resource Management and Sociology, Rostov State Economic University (RINI), Rostov-on-Don, Russia
darya.maksimovich@gmail.com

Received: 03.02.2017

For citation: Vereschagina A.V., Nechipurenko V.N., Samygin S.I., Problem of social memory definition: concept, some basic characteristics, functions and role in formation of patriotism. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l' = Historical and Social Educational Idea*. 2017. Vol. 9. no.1. Part. 2. Pp. 97-107.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-97-107. (in Russian)